

ДЕНИСОВ П. Н.

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА В. И. ЛЕНИНА КАК НОВЫЙ ТИП СЛОВАРЯ

В Институте русского языка АН СССР тема «Словарь языка В. И. Ленина» разрабатывается с января 1972 г. За это время проделана большая работа. Созданы 1) картотека Словаря на базе Полного (пятого) собрания сочинений В. И. Ленина в 55 тт. (свыше 2,5 млн. карточек-цитат), 2) словник, 3) словоуказатель (55 авт. л.), в котором приведены все слова Полн. собр. соч. В. И. Ленина с указанием томов и страниц, где каждое слово употребляется; словоуказатель содержит без малого 38 тыс. слов, 4) макет первого тома Словаря языка В. И. Ленина на основе анализа свыше 4 тыс. экспериментальных словарных статей (буквы А—З), т. е. на основе 1/2 всего объема первого тома (50 авт. л.). Анализ всех этих материалов позволяет считать будущий словарь принципиально новым типом словаря в отечественной и мировой лексикографии.

Более сорока лет назад Л. В. Щерба заложил основы теории лексикографии, обеспечив в этой области приоритет нашей науки. По теории лексикографии [общей, русской, английской, немецкой и т. д.; учебной, вычислительной, описательной, нормативной и т. д.; одноязычной, двуязычной (переводной), многоязычной; общелитературной, специальной (терминологической), писательской и т. д.; синхронной и диахронной (исторической); литературной, диалектной, жаргонной и т. д., наконец, статистической (частотные словари)] издаются монографии, защищаются кандидатские и докторские диссертации, читаются спецкурсы в университетах, созываются международные и национальные конференции. Однако до сих пор лексикография остается чем-то вроде падчерицы лексикологии, оспариваются твердо установленные принципы и выводы теории лексикографии, нередко открываются как бы заново азбучные истины этой самостоятельной лингвистической дисциплины. Это приводит к субъективизму и бездоказательной категоричности оценок того или иного конкретного словаря: толково-комбинаторного, сочетаемостного, семантического, частотного и др.

Одним из основных вопросов теории лексикографии является вопрос о различных типах словарей. Термин «тип словаря» понимается в отечественном языкознании по меньшей мере в трех значениях. Первое значение придано этому термину Л. В. Щербой. Оно основано на шести противопоставлениях, выведенных из лексикографической практики, но, главное, соотносенных со свойствами самого языка, языкового материала и речевой деятельности. Именно такая комплексная трактовка теории лексикографии принимается и по возможности развивается пишущим эти строки. Но С. И. Ожеговым термин «тип словаря» был употреблен в ином значении, не в терминологическом, а скорее в общелитературном. В русском литературном языке слова *тип*, *вид*, *разновидность* могут считаться синонимами. Это ожеговское употребление термина «тип словаря» было подвергнуто, на наш взгляд, справедливой критике [1].

С. И. Ожегов полагал, что в русской лексикографии сложились три типа толкового словаря: большой, средний, краткий. Пробразами этих трех типов считались: большого — Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах (М. — Л., 1950—1965) (примерно 120 тыс. слов), среднего — Словарь русского языка в 4-х томах (М., 1957—1961) (примерно 80 тыс. слов — теперь уже вышло второе, незначительно переработанное издание) и краткого — Словарь русского языка С. И. Ожегова (1-е изд. — М., 1949), а также переработанные (примерно 50 тыс. слов)

и посмертные издания (57 тыс. слов). При ожеговском понимании типа словаря, если отнестись только к объему словника и основной тон интерпретации, Словарь языка В. И. Ленина попадает в разряд толковых, филологических, кратких словарей [2]¹. Но нами, как уже говорилось, предложено иное понимание типа словаря, основанное на новаторских идеях Л. В. Щербы. Мы принципиально разграничиваем понятия жанра и типа словаря. Жанры словарей складываются исторически. Они действительно существуют, и существуют в том виде, в каком созданы своими творцами — С. Джонсоном, Н. Вебстером, П. Ляруссом, В. И. Далем, С. И. Ожеговым и т. д. Литературоведческое понимание термина «жанр» нами перенесено в теорию лексикографии. В литературоведении и — шире — искусствознании признается, что построение жанровой классификации не завершено, что понятие жанра многопланово, зависит от многих факторов. В нашей концепции термин «жанр» обозначает понятие, позволяющее, например, в библиотеках сводить в группы, классифицировать реально изданные словари. Легко видеть, что жанры реальных словарей тоже многоплановы, зависят от многих факторов и их целостная система не может быть создана. Тип словаря, в нашем понимании, возводится к термину «типология» как научная классификация, опирающаяся на реально сложившиеся жанры и на наши углубляющиеся знания о составе и строении лексики различных языков. Если жанр и тип словаря разграничивать в вышеуказанном смысле, то С. И. Ожегов отметил развитие в русской лексикографии именно жанра толкового академического (нормативно-системного) словаря в трех разновидностях: большой — с широким охватом исторической перспективы, средней и краткой — с сужением хронологических рамок и усилением нормативности. Употребление С. И. Ожеговым термина «тип словаря», с нашей точки зрения, неудачно. Л. В. Щерба указывал на более существенные признаки типологии словарей.

«Тип словаря», в развитие идей Л. В. Щербы, нам представляется конструктом (абстрактным понятием, сознательной идеализацией) теории лексикографии. Он выводится как статистически достоверная лингвистическая данность, во-первых, на основе анализа сходных жанров в разных лексикографических традициях (европейской и неевропейской, древней, средневековой, новой и новейшей), во-вторых, на основе современных представлений о сущности языка и его научного описания, как-то: представлений о принципах внутреннего устройства языка, особенностях речи, закономерностях исторического развития и реального функционирования основного объекта лексикографии — словарного состава языка и его преломления в речи и речевой деятельности [3]. Вопрос о типах словарей — ключевой для всей теории лексикографии, и здесь необходима строгость в употреблении основных терминов. Жанр может лишь приближаться к типу словаря, являться его более или менее верной копией. С этой точки зрения всякий толковый словарь входит в один тип. Его единица описания — значение слова, его аспект — полисемия. Для жанров словарей разрабатываются классификации (например, [4]). Имеются и более новые зарубежные и отечественные классификации [5, 6]. Но, как нам представляется, общим недостатком классификаций словарей как в диссертационных, так и в монографических работах является неразличение понятий жанра и типа словаря, что делает многие рубрики далекими не только от реальной издательской практики, но и от развития науки о языке. Для типов словарей должна разрабатываться типология как научная классификация, основанная на учете лингвистически релевантных признаков, всегда в известном смысле идеализированная. Вводя понятия жанра и типа словаря, мы уточняем идеи Л. А. Щербы в том отношении, что при всей своей важности типология словарей является всего лишь одной из частей теории лексикографии. Выделим из нашей типологии словарей лишь те моменты, которые дают основание квалифицировать словарь языка В. И. Ленина как новый тип словаря.

¹ Это сопоставление основано на соотношении объема словаря и его словника.

Единство словарного состава языка, так называемое свободное владение родным языком (уверенность чисто субъективная!) позволяет теоретически все типы словарей объединить в единый универсальный тип. Текст словаря — текст особого рода [7]. Универсальная особенность любого словарного текста состоит в том, что он имеет левую (толкуемую) часть и правую (информация об элементах левой части словаря). Левая часть любого словаря — его словник, вообще инвентарь единиц. Теория словников — отдельная часть теории лексикографии, и в этом мы также усматриваем дальнейшее развитие идей Л. В. Щербы. Деление С. И. Ожеговым толковых словарей на большие, средние и краткие относится, таким образом, к теории словников, а не к типологии словарей. Теория словников пользуется количественными методами лексикостатистики и качественными методами семасиологии и лексикологии [8].

Если теперь применить наш вариант теории лексикографии [3, 5] к будущему Словарю языка В. И. Ленина, то можно сказать следующее. Первая его особенность заключается в составе словника. Лингвистически здесь мы имеем дело с тремя величинами, известными нам в разной степени. Первая — словарный запас В. И. Ленина как уроженца Симбирской губернии, как ученика классической гимназии, как выпускника юридического факультета Петербургского университета, как профессионального революционера, политика, мыслителя, публициста.

Если противопоставить этому словарному запасу личности словарный состав всего литературного языка, то мы увидим, что для словарного состава литературного языка имеется лишь одна конструктивная возможность², а именно — приравнять его к словнику Большого академического словаря (БАС). Все другие возможности не обладают свойством конструктивности. Для определения словарного запаса личности вообще нет надежных методов³.

Вторая и более осязаемая лексическая величина применительно к языковой индивидуальности В. И. Ленина — это совокупность всех слов, терминов, фразеологизмов и т. д., засвидетельствованных в его трудах. Назовем эту совокупность лексиконом. Перед нами ленинский лексикон предстает в виде реально документированного лексического состава Полного (пятого) собрания сочинений в 55-ти томах. Ленинский лексикон — конструктивный объект [см. 8].

Известно, что в Полн. собр. соч. В. И. Ленина включено около 9 тыс. ленинских произведений и документов (см. Справочный том, ч. I, с. III), но также известно, что в архивах имеется более 30 тыс. единиц хранения (Фонд документов В. И. Ленина, М., 1970). Документом считается, к примеру, любая маргиналия, состоящая даже из одного единственного слова.

В ходе обсуждения Словаря языка В. И. Ленина в 1975 г. предлагалось расширить источники за счет Ленинских сборников и других материалов, что привело бы к расширению лексикона⁴. Теперь можно было бы привлечь в качестве дополнительного источника недавно завершенную многотомную Биографическую хронику В. И. Ленина, его расшифрованные Записные книжки и другие новые материалы, опубликованные в 1975—1983 гг.

Понятие лексикона В. И. Ленина важно для нас в другом отношении. Если первая лексикографическая величина — реальный жизненный словарный запас индивида — может быть лишь реконструирована, то, например, лексикон А. С. Пушкина, Г. В. Плеханова, Л. Н. Толстого, А. В. Луначарского и т. д. как лексический состав их сочинений есть конструктивная лексическая величина, ориентированная на читательскую

² В смысле конструктивного направления в математике (см. [8]).

³ В частности, конструктивных подходов нет к реальному словарному запасу великого писателя или философа прошлого. И на современном материале конструктивных работ в этом направлении чрезвычайно мало (см., например, [9]). По данным Я. И. Вильтовской, примерный объем лексикона 12-летнего подростка (пятиклассника) включает около 30 тыс. слов. Методики выявления словарного запаса индивида часто не представляются достаточно надежными.

⁴ См. хроникальную заметку Е. Л. Лилеевой в [10].

Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах	Картотека словаря языка В. И. Ленина
—	<i>путанее</i> (ср. степень от <i>путаный</i>) (11,68)
<i>путание</i> (отглагол. сущ.)	—
<i>путаник</i>	<i>путаник</i> (16, 183) <i>путаник-мажист</i> (18,383)
—	—
<i>путаник-мужичонко</i> (в цит.)	—
<i>путанина</i>	<i>путаница</i> (4,357)
<i>путаница</i>	<i>путано</i> (нареч.) (11,26)
<i>путано</i> (нареч.)	<i>путанность</i> (7,46) — <i>путаность</i> (11,69)
—	<i>путать</i> (5,154)
<i>путать</i>	<i>путаться</i> (19,46)
<i>путаться</i>	

аудиторию и определяемая характером творчества Пушкина, Плеханова, Луначарского и т. д. Для лексикона характерна прежде всего избирательность. Можно сказать, что избирательность лексикона характеризуется отрицательно (т. е. теми словами индивидуального словарного запаса, которых писатель или философ сознательно избегает в своих сочинениях) не в меньшей степени, чем положительно (т. е. теми словами, которые писатели или мыслители вводят в свои произведения, а мы, лексикографы, естественно, берем их «на карандаш»).

Творческий лексикон, конечно, связан с жизненным словарным запасом личности, но между ними имеются принципиальные отличия. Так, исследователи языка В. И. Ленина предполагают, что активное употребление В. И. Лениным слов *путаный*, *путаник*, *путанность* (*путаность*)⁵ и других производных этого гнезда (с общим числом употреблений свыше пятисот) объясняется его происхождением из Симбирской губернии, хотя и эти слова в составе ленинского лексикона приобрели исконно не свойственное им в общелитературном языке политическое и философское звучание [11].

Сопоставим гнездо слов *путать*, *путаться*, *путаный* и т. д. в общелитературном языке и в языке В. И. Ленина (см. табл.).

Мы видим, что емкость ленинского гнезда не уступает емкости гнезда, зарегистрированного в БАС, а в отдельных производных (например, отвлеченное существительное *путанность*) и формах (*путанее*) превосходит гнездо общелитературного языка. Но главные расхождения находятся в смысловом объеме этих слов и их сочетаемости с другими словами.

Например, сочетания БАС (выделены из оправдательных примеров) таковы: *путаная интрига*, *речь*; *путаное письмо*; *путаные слухи*, *мысли*, а сочетания у В. И. Ленина гораздо разнообразнее: *путаный язык* (20, 340), *протест* (49, 149), *план* (11, 209), *лозунг* (11, 197), *анализ* (9, 185), *идеализм* (18, 40), *агностицизм* (18, 243), *субъект* (47, 41), *философ* (18, 173), *буржуазный демократ* (20, 394), *материалист Дюринг* (18, 182), *примиренец-троцкист* (48, 71), *Konfusionsrat «путаный советник»* (16, 282), *путаная фраза* (30, 228), *мысль* (8, 79), *терминология* (18, 41), *резолуция* (47, 2), *позиция* (48, 154), *точка зрения* (18, 57), *система* (45, 432), *философия* (18, 71), *энергетика* (как отвлечение идеализма. — Д. П.) (18, 289), *«муниципализация»* (16, 243); *путаное фразерство* (9, 267), *словесное украшение* (18, 52), *письмо* (9, 105), *воззвание* (32, 198), *проектирование* (15, 187), *предприятие* (17, 118); *путаные слова* (13, 20), *взгляды* (33, 192), *мысли* (19, 245), *посылки* (11, 69), *выводы* (11, 69), *либеральные лозунги*, *задачи и интересы* (15, 61), *попытки* (18, 281), *люди* (36, 360), *головы* (41, 26), *посредники* (24, 309).

Общее отличие ленинской сочетаемости: 1) перевод слова *путаный* в политические и философские контексты, 2) регулярная метонимия,

⁵ При цитировании примеров из работ В. И. Ленина первая цифра указывает том, вторая (через запятую) — страницу.

отражающаяся в возможности соединения прилагательного *путаный* с обозначениями лиц: *философ* (18, 173), *демократ* (20, 394), *советник* (16, 282), *люди* (36, 360), *посредники* (24, 309), 3) общее возрастание числа семантических подклассов, допускаемых к соединению со словом *путаный*, 4) явно более высокая по частотности и по синтаксической гибкости употребительность слов данного гнезда в сравнении с усредненной общелитературной частотностью и синтаксической гибкостью употребления.

С другой стороны, вкрапления иностранных слов и выражений, собственные имена, гибридные слова [*quasi-искровцы* (8, 448), *рыцарь-Kleinbürger* (1, 408), *lapsus'ы* (18, 177) и т. п.], стилистически сниженная лексика являются лингвистически релевантными составными частями ленинского лексикона, т. е. сознательно культивируемыми компонентами ленинского языка и стиля.

Сознательность построения и стилистико-тематическая обусловленность индивидуальных творческих лексиконов, задаваемые предметом описания, характером оценок и т. д., их стилистическая ориентация и их обусловленность общим пониманием своего творчества заставляют считать писательские лексиконы сложнейшим объектом анализа, лишь частично отражаемыми словарями, без проникновения во все тонкости текста.

Ж. Вандриес писал: «Не должно смешивать словарь писателя (реальный жизненный словарный запас в наших терминах.— *Д. П.*) со словарем его произведений (в наших терминах с индивидуальным творческим лексиконом.— *Д. П.*). Словарь книги всегда составной: в нем мы всегда найдем рядом со словами высокого стиля слова стиля низкого, рядом с техническими терминами слова обиходные. В словаре любой книги всегда смешиваются несколько словарей: к собственному словарю писателя, употребляемому им в своем обиходе, присоединяются различные другие словари — архаичные, научные, диалектальные, вульгарные, обогащающие его стиль и часто являющиеся главной его ценностью» [12]. Л. П. Якубинский, как и Ж. Вандриес, говорит о малой ценности чисто цифровых сопоставлений индивидуальных творческих лексиконов и иных лексических совокупностей [13]. Мы же придерживаемся точки зрения, согласно которой различение жизненного словарного запаса и творческого лексикона личности имеет глубокий лингвистический смысл, в частности, под углом зрения новизны типа словаря личности по сравнению с академическим толковым словарем всего общенародного литературного языка. На этом пути исследований можно встретить много неожиданного.

Первым и приблизительным отражением индивидуального ленинского лексикона является словник Словаря языка В. И. Ленина. С построения словника в 1981 г. в нас стала расти и укрепляться убежденность в необходимости новизны ленинского словаря именно в типологическом отношении. Здесь уместно напомнить еще одно справедливое замечание Л. В. Щербы о том, что любой словарь — это компромисс по тем или иным соображениям практического порядка. В теории лексикографии типология словарей — не самоцель. Мы не являемся сторонниками механического дробления словарных типов по случайным признакам. Тип словаря завершает историческую линию развития жизнеспособного словарного жанра.

По любому счету и при любом отношении к статистике лексикон произведений великого человека — величина конечная. Это одно проводит резкую грань между словарем литературного языка целого народа и словарем лексикона отдельно взятой личности.

Словарь языка В. И. Ленина, по нашему мнению, по соображениям как теоретического, так и практического порядка должен дополнять справочный аппарат к Полн. собр. соч. В. И. Ленина. Имеющийся справочный аппарат к Полн. собр. соч., разработанный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, представляет собой результат многолетней кропотливой исследовательской работы. Он включает в себя именной и предметный указатели, списки иноязычных выражений и русских по-

словниц, комментарии, примечания и многое другое — все это позволило нам не включать в ленинский лексикон многие собственные имена и некоторые другие разряды слов, так что словник Словаря языка В. И. Ленина, представляя собой алфавитный перечень заглавных слов будущего словаря, меньше лексикона Полн. собр. соч. В. И. Ленина. И это закономерно.

Рассматривая словник статистически, обнаруживаем многие свойства, которые оказывают существенное влияние на возможности построения правой (интерпретационной) части Словаря языка В. И. Ленина. Являясь частью лексикона (изъяты собственные имена, гибридные слова, слова некириллического письма и некоторые другие разряды слов), словник Словаря содержит около 38 тыс. слов и превосходит словники всех известных нам писательских словарей. Даже со скидкой на относительный характер прямых цифровых сопоставлений писательских словарей словник Словаря языка В. И. Ленина, являясь частью его лексикона, свидетельствует о необычайной широте интересов В. И. Ленина.

Богатство ленинского лексикона иллюстрируется следующими данными. Делим условно словник на три зоны: малочастотную, среднечастотную и высокочастотную. Редкие слова (частоты 1—5), образующие малочастотную зону и ярче других свидетельствующие о лексическом богатстве ленинского языка, составляют 55,6% всего словника. Их общее число — 20 775 слов. Высокочастотных слов (частоты свыше 500) сравнительно мало: 854 слова, или всего 2,3% общего числа.

Нами лично разработано 250 словарных статей на букву А (А — **Аккредитив**). Этот фрагмент алфавита составляет 1/4 объема буквы А (всего на букву А чуть больше 1000 слов). Из этих 250 экспериментальных словарных статей 80 слов имеют частоту, равную единице, т. е. доля слов с частотой 1 раз достоверно отражает их общую долю во всем словнике, а именно: 1/3 от общего числа слов.

Принято считать, что редкие слова наиболее ярко свидетельствуют о богатстве индивидуального языка и стиля творческой личности. Всмотримся внимательно в эти 80 самых редких слов на отрезке А — **Аккредитив**. Видно, что слова *абсолютно-индивидуальный* (12, 102), *абсолютно-необходимый* (34, 180), *абстрактно-идеологический* (17, 418), *абстрактно-политический* (45, 373), *абстрактно-теоретический* (3, 27), *абстрактно-школьный* (8, 221), *абстрактно-юридический* (15, 103), *авенариусовско-маховский* (18, 58), *аграрно-буржуазный* (21, 306), *аграрно-исторический* (8, 86), *агрессивно-буржуазный* (44, 408), *административно-государственный* (39, 462), *административно-организационный* (54, 373), *административно-полицийский* (14, 337), *адски-трудный* (47, 223), *азиатско-продажный* (14, 25), *азиатско-деспотический* (25, 267), *акимовски-мартовский* (8, 180) являются характерной чертой ленинского лексикона, отраженной в массиве самых редких слов словника. Общие словари, например, БАС в 17-ти томах, рассматривают все слова как бы в неопределенной частотной зоне, хотя А. М. Бабкин признавал, что в этот словарь проникли слова, представленные в картотеке всего одним-двумя примерами. Наличие статистической перспективы (указание в Словаре языка В. И. Ленина абсолютных частот встречаемости слов) подчеркивает новизну будущего словаря.

Характерными для языка и стиля В. И. Ленина из анализируемого списка самых редких слов должны быть также признаны такие вокабулы, как, например, *аблакатствовать* (30, 231), (ирония на народно-разговорной речевой основе); *авгур* (18, 79) (наследие античности); *Акакий Акакиевич* (5, 327) (использование литературных образов); *австрофилы* (26, 81) *австрофильство* (26, 81) (использование словообразовательного потенциала языка); *авиасмесь* (50, 355), *автопуг* (44, 81), *автопулемет* (51, 50), *агиткампания* (54, 339), *агиткартошка* (42, 171), *агитпропотдел* (54, 233) (неологизмы первых лет революции).

Разумеется, среди редких слов оказывается большинство слов, не отмеченных словарями и энциклопедиями конца XIX — первой половины XX в. По подсчетам Е. Л. Лилевой, таких слов в словнике около 4 тыс.

Заглавное слово словника	Абсолютная частота	«Адреса» (первая цифра — номер тома ПСС, через запятую — номера страниц, через точку с запятой — номер тома и т. д.)
<i>и</i>	—	—
<i>ибо</i>	—	—
<i>Иван Федорович Шпонька</i>	1	14,155
<i>иго</i>	> 100	—
<i>идти</i>	> 3000	—
<i>иже</i>	4	14,320; 20,129; 49,20,238
<i>издольщина</i>	6	27,142,143,149,151,163
<i>изм</i>	7	10,5; 18,150,157,170,357,372; 42,207
<i>изнереливать</i>	2	39,24; 55,261

Примечание: *и*, *ибо* — слова неполной выборки; *иго* (> 100), *идти* (> 3000) — высокочастотные слова, как и слова с неполной выборкой, «адресов» в словоуказателе не имеют; с указанными ограничениями, практически не влияющими на общую информативность словоуказателя, получается десятикратный выигрыш в объеме (50 авт. л. вместо 500 авт. л. при полном расписывании «адресов»).

В этом также проявляется новизна типа словаря: данные общих и писательских словарей комплементарны по отношению друг к другу, и, взятые вместе, они глубже отражают словарный состав языка соответствующего периода.

Разграничение понятий реального жизненного запаса слов и индивида, его книжно-письменного лексикона и собственно алфавитного словника лингвистически существенно потому, что в первом случае (жизненный запас слов) лексика индивида представлена во всех ее лингвopsихологических связях и опосредствованиях, во втором (лексикон) к этим связям и опосредствованиям добавляется социальный момент: учет читательской аудитории, тематика произведений, общий круг интересов творческой личности, стилистические требования, например, функция воздействия, и многое другое. В третьем случае (в алфавитном словнике) многие естественные связи рвутся, и именно в этот момент выступает в полной мере проблема типа словаря как единства левой и правой части. Левая часть (словник) дала, что толковать. В правой части надо решить, как толковать.

Элементарное, но радикальное решение в свое время было предложено Л. В. Щербой — давать большие контексты. В этом плане задача уже решена. Словоуказатель Словаря языка В. И. Ленина представляет собой словник в левой части и индексы абсолютной частотности плюс перечень «адресов» слова в Полн. собр. соч. в правой части. Можно представить себе фрагмент словоуказателя в следующем виде (см. выше).

В ходе работы над темой «Словарь языка В. И. Ленина» было проанализировано свыше 200 писательских словарей. Установлено, что в практике лексикографии (особенно после перехода на ЭВМ) за словари языка писателя нередко выдаются алфавитные и/или частотные словники, а также словоуказатели. Если присоединиться к этой минималистской программе, характерной для мировой писательской лексикографии, то можно сказать, что окончание работы над словоуказателем Словаря языка В. И. Ленина завершает разработку темы «Словарь языка В. И. Ленина».

Если идти дальше, то мы приходим к принципиально новому типу словаря. Универсальный тип словаря по отношению к лексикону великого человека должен был бы отразить его во всем наборе составляющих единиц вместе со всеми многообразными связями слов и фразеологизмов между собой и со всеми их опосредствованиями в круге знаний, в круге чтения и общей культуры, другими словами, в круге всего жизненного опыта индивида, который (опыт) обусловлен конкретными условиями национальной и мировой культуры, знанием родного и иностранных языков, пониманием своей жизненной «сверхзадачи» и т. д.

Частный, не универсальный тип словаря ориентируется на алфавитный или иным способом организованный и ограни-

ченный словарь, давая в правой части информацию, существенную для отражения какого-либо системного свойства словарного состава языка (или лексикона личности). Эти системные свойства (аспекты) лексики общеизвестны: значение слова и полисемия слов (толковый словарь), синонимия слов (синонимический словарь), антонимия слов (антонимический словарь), стилистическая окраска слов (стилистический словарь), смысловые группировки слов (тематический, понятийный, идеографический, семантический словари); фразеологический состав языка (фразеологические словари); термины (терминологические словари с энциклопедическим уклоном) и т. д.

Более глубокое системное изучение лексики выявляет новые типы словарей. Традиционный жанр любого академического толкового словаря трактует полисемию слов, дает стилистические пометы, указывает грамматические формы и орфоэпические нормы, включает в себя элементы фразеологических и терминологических словарей. Используя синонимические сближения и антонимические противопоставления в дефинициях, он фактически содержит в себе элементы словаря синонимов и антонимов. Другими словами, традиционный жанр академического словаря в чем-то напоминает тип универсального словаря.

Типология словарей не может игнорировать практику словарной работы и предусматривает комбинированные, или комплексные типы словарей, которые отражают комплекс системных свойств лексики. То, что тесно связано в лексической системе, должно быть связано в словаре комплексного типа, так как теория лексикографии создается как обобщение жизнеспособных жанров словарей, а также технических приемов и правил лексикографической работы, вполне оправдавших себя на практике (простота, экономность, стандартность описания и т. п.).

Словарь языка В. И. Ленина первоначально задумывался как толковый словарь, ориентированный на индивидуальный лексикон и рассчитанный на широкий круг читателей. Толковый словарь — центральный тип, по мысли Л. В. Щербы. Анализ словарных дефиниций (дефиниционный анализ) показал, что толковый словарь еще и потому занимает центральное место в типологии словарей, что он в дефинициях содержит семантические множители, т. е. имплицитно заключает в себе всю лексико-семантическую систему языка.

Лексикографическая дефиниция — вершина словарного искусства. Лексикографическая дефиниция не тождественна логическому определению. Она дает правила подведения фактов действительности и логических понятий под те или иные значения слов. Она, обобщая случаи употребления слова в текстах, отвлекается от частных и удерживает в себе только лингвистически релевантные признаки значения слова. Она синтезирует «языковой материал» в «языковую систему». Дефиниция не исчерпывает всех свойств слова. Она должна подкрепляться лексическими рядами, показом сочетаемости, предложениями и цитатами. В Словаре языка В. И. Ленина предусматриваются и дефиниции, и лексические ряды, и предложения, и цитаты. Эти элементы словарной статьи образуют единый интерпретационный аппарат Словаря. В сознательном переходе к многоаспектному интерпретационному аппарату мы видим новизну типа Словаря языка В. И. Ленина.

В Словаре языка В. И. Ленина дефиниции дифференцированы по лексическим пластам ленинского лексикона [14]. При некоторых условиях (достаточное число карточек-цитат, общелитературный характер слова, его многозначность) дефиниции ленинского словаря следуют за дефинициями академических толковых словарей. Спорным остается вопрос о минимальных дефинициях («намекающих определениях»), которые короче дефиниций академических толковых словарей на один-два семантических признака, не существенных для отграничения значений многозначного слова, но существенных в системе всего ленинского лексикона. Так, слово *баба* и слово *дама* среди своих значений имеют общее для них обоих значение «женщина». Лапидарность и неуточненная синонимичность такого толкования делает слова *баба* и *дама* тождественными друг другу

в указанном значении. Верно ли это по отношению к ленинскому лексикону? Пожалуй, нет, хотя сочетаемость, речения, цитатный материал иллюстрируют особенности употребления этих двух слов в указанном значении. Минимизация общепринятых филологических определений значений слов — заманчивый, но и обманчивый путь. Решить этот вопрос может лишь постепенное накопление опыта составительской и редакторской работы над первым томом Словаря языка В. И. Ленина.

Другим полюсом дефиниций является расширение общепринятых филологических определений значений слов за счет неопределенного числа «элементов энциклопедизма», говоря проще, за счет энциклопедических сведений, не релевантных с точки зрения объема лексического значения слова как величины, меньшей в сравнении с объемом и содержанием тех понятий, которые могут быть подведены под данное лексическое значение слова.

По данным А. И. Киселевского, энциклопедическая статья делится на семантическое определение (обычно первое предложение или первый абзац статьи), сопоставимое с лексикографической дефиницией, и относительно открытый текст, линейно ничем не ограниченный, не регулируемый ни системой лексических значений языка, ни системой существенных признаков логического определения, а зависящий лишь от точки зрения авторов и редакторов энциклопедии на место и роль описываемой реалии (явления) или понятия в современной науке, культуре и т. п. [15].

Проведя сравнение методом А. И. Киселевского совпадающих однословных вокабул по энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1977) и словнику (словоуказателю) Словаря языка В. И. Ленина, нам удалось установить следующее. В энциклопедии содержится примерно 80 статей, имеющих заглавием имя существительное нарицательное. Подавляющая часть статей энциклопедии посвящена собственным именам героев Октября, местам революционной славы (топонимике), названиям боевых кораблей, воинских частей, газет и т. п. Следовательно, еще раз подтверждается наш тезис о новизне типа ленинского словаря. Эта новизна растворена во всех его компонентах: словнике, фразеологии, индексах частотности, лексических рядах, иллюстративном материале, толкованиях и т. д.

Абсолютное большинство из 80 однословных вокабул энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» имеется в ленинском словоуказателе: *анархист* (20, 107), *большевики* (36, 202), *борьбисты* (39, 370), *братание* (31, 352), *дашнаки* (37, 525), *двоевластие* (31, 145), *декрет* (53, 261), *керенки* (37, 178), *комбеды* (37, 180), *комиссар* (54, 382), *матросы* (9, 202), *мещочничество* (35, 176), *продотряды* (50, 145), *совхозы* (39, 447) и мн. др.

Расхождения единичны. По данным нашей картотеки, у В. И. Ленина не встретились слова, зарегистрированные в энциклопедии: *«свинцы»*, *джадидизм*, *младобухарцы*, *младохивинцы*, *мусависты* и некоторые другие. С другой стороны, в работах В. И. Ленина встречаем слова (в том числе — относящиеся к тому же времени), которых нет в энциклопедии. Исследования А. И. Киселевского и наши собственные наблюдения дают все основания сближать семантическое определение энциклопедии с лексикографической дефиницией соответствующего слова в Словаре языка В. И. Ленина.

Но язык имеет свои выразительные и изобразительные средства, которые дают такую яркую информацию о реалиях и понятиях, которую не может дать энциклопедия.

В энциклопедии, естественно, имеется ряд слов, показывающих расстановку классовых и политических сил в России 1917 г.: *анархисты*, *большевики*, *буржуазия*, *дворянство*, *духовенство*, *интеллигенция*, *кадеты*, *казачество*, *крестьянство*, *купечество*, *матросы*, *меньшевики*, *помещики*, *профсоюзы*, *Советы*, *солдаты*, *эсеры* и т. п. Конечно, эти слова получают в энциклопедии семантическое определение, близкое к лексикографической дефиниции, плюс некоторый реальный комментарий.

В Словаре языка В. И. Ленина они получают соответствующее тол-

кование и энциклопедическое пояснение. Но разве можно отрицать ярчайшую семантическую и фактографическую информативность, например, такого ряда слов, как *интеллигентик* (8, 376), *интеллигентшишка* (22, 209), *интеллигентщина* (19, 169) и, в особенности, таких образований, как *интеллигент-индивидуалист* (8, 350), *интеллигент-истерик* (36, 518), *интеллигент-манилов* (2, 422), *интеллигент-мещанин* (14, 379), *интеллигентик-мещанин* (37, 287), *интеллигент-сверхчеловек* (36, 9), *интеллигент-меньшевик* (19, 46), *интеллигент-эсер* (16, 381) и т. д.; *интеллигентски-анархический* (9, 6), *интеллигентски-оппортунистический* (9, 6), *интеллигентски-импрессионистский* (34, 411), *интеллигентски-мишурный* (14, 345), *интеллигентски-обывательский* (15, 185), *интеллигентски-пошлый* (35, 192), *интеллигентски-чиновничий* (16, 408). Разве эти ряды слов не лучше сухих энциклопедических цифр и процентов свидетельствуют о трудных путях русской интеллигенции на переломе двух эпох — от России царской к России социалистической? Аналогично яркую дополнительную характеристику получает русское дворянство в таких ленинских образованиях, как *дворянчик* (4, 393), *дворянчик-наглец* (40, 176), *дворянчик-дуэлянт* (36, 106), *дворянчик-офицер* (22, 173), *дворянин-крепостник* (22, 302), *дворянин-тунеядец* (23, 130), *дворянин-черносотенец* (23, 251), *дворянски-буржуазный* (2, 456), *дворянски-бюрократический* (17, 322), *дворянски-полицейский* (5, 75) и др.

Из сказанного вытекает единственный вывод. Словарь языка В. И. Ленина — новый тип словаря в мировой и отечественной лексикографии. Он уникален прежде всего ввиду уникальности личности В. И. Ленина. Это обстоятельство накладывает неизгладимый отпечаток на исходный объект словаря — ленинский лексикон, отражающийся в словнике и во всей структуре словарной статьи. Уже сейчас дифференцированный подход к толкованиям слов дал новые типы словарных статей [см. 14], открыл новые перспективы в исследовании лексических значений в их соотносительности с реалиями и понятиями ленинского времени. Повторим, что в настоящее время Институт русского языка АН СССР располагает картотекой (фактически полным конкордансом), частотным словником, словоуказателем (потенциальным конкордансом). Эти исходные материалы могут считаться вполне достаточными для раскрытия языка В. И. Ленина, и наш путь лежит дальше — к созданию полного филологического словаря языка В. И. Ленина с элементами энциклопедизма и с дифференцированным подходом к толкованию слов различных лексических пластов. Конечно, это путь поисков, путь в неисследованные области семасиологии, лексикологии, теории лексикографии, истории русского литературного языка, исторической стилистики. Это — новый путь, это — путь к новому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллина Н. М. Анализ толковых словарей немецкого языка. — Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза, 1960, т. 23.
2. Филин Ф. П. О Словаре языка В. И. Ленина. — ВЯ, 1974, № 6, с. 9—10.
3. Денисов П. Н. Лексика русского языка и основы ее описания. М., 1980, с. 27.
4. Апажев М. А. Лексикография и классификация словарей русского языка. Нальчик, 1971.
5. Денисов П. Н. Основные проблемы теории лексикографии: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1976.
6. Цылин А. М. К вопросу о классификации русских словарей. — ВЯ, 1978, № 1.
7. Денисов П. Н. Об универсальной структуре словарной статьи. — В кн.: Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
8. Денисов П. Н. О конструктивном подходе к созданию системы учебных словарей русского языка для иностранцев. — Ruský jazyk, 1977—1978, №№ 1—3.
9. Вильтовская Я. И. Исследование объема и состава лексикона подростка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Минск. 1980.
10. ВЯ, 1975, № 4.
11. Денисов П. Н. Индивидуальный стиль В. И. Ленина и общелитературный язык. — Русская речь, 1979, № 4, с. 5—7.
12. Вандриес Ж. Язык. М., 1937, с. 177.
13. Якубинский Л. П. О диалогической речи. — В кн.: Русская речь. I. Пг., 1923, с. 113.
14. Денисов П. Н. Богатство языка. В. И. Ленина. — Русская речь, 1983, № 2.
15. Киселевский А. И. Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. Минск, 1977.